

Часть I.

Глава 1.

«Партия нового типа» В.Ленина и теория о «первоначальном социалистическом накоплении» Е.Преображенского.

Суть теории «*первоначального социалистического накопления*», разработанной Е.Преображенским, сводится к следующим базовым утверждениям.

Капиталистическое мануфактурное или машинное производство зарождается в недрах предшествовавшего ему социально-экономического уклада, в период господства абсолютизма в политике и простого товарного производства в области хозяйства. «Буржуазные революции начинаются после того, – пишет Е.Преображенский, – как капитализм проделал значительную работу по постройке своей системы в области экономики. Буржуазные революции являются лишь эпизодом в процессе буржуазного развития, которое началось задолго до нее и продолжается с большей быстротой после нее».⁽⁴⁾

Возникновению развитого капиталистического производства предшествует период «первоначального накопления капитала», которое «...есть накопление на основе производства, экономически и технически отличного от ремесла. Капиталистическая мануфактура могла доказать свое преимущество над ремеслом лишь постольку, поскольку она экономически оказалась выше его, поскольку применявшаяся на ней система разделения труда и другие преимущества крупного производства над мелким давали возможность изготовлять единицу продукта в мануфактуре с меньшими затратами, чем в ремесле».⁽⁵⁾

Как мы видим, государственные институты власти никоим образом не воздействуют на свободные протекающие экономические процессы, а капиталистическое товарное производство, даже на первоначальной мануфактурной стадии, оказывалось победителем в экономической борьбе с более примитивными формами хозяйствования – натуральным и мелкотоварным. Это обуславливалось **свободным решением потребителя**, который, покупая более дешевый товар, тем самым голосовал за капиталистическую организацию общественного производства, что предприняло соответствующие политические изменения в рамках последовавших позднее буржуазных революций.

«Наоборот, социалистическая система ведет свою хронологию с захвата власти пролетариатом. Это вытекает из самого существа социалистического хозяйства как единого комплекса, который не может по крупинкам строиться в недрах капитализма... Если торговый капитал мог развиваться в порах феодального общества, если первые капиталистические предприятия могли функционировать, не вступая в непримиримое противоречие с существующим политическим строем и формами собственности, ... то комплекс государственного социалистического производства может появиться... лишь в результате социальной революции».⁽⁶⁾

Здесь необходимо сделать отступление от теоретических построений Е.Преображенского. Дело в том, что в исторической науке уже столетие не прекращается политико-идеологический спор, между двумя непримиримыми лагерями.

Первые утверждают, что ленинская концепция взятия власти в отсталой, с точки зрения буржуазного развития, преимущественно аграрной стране и построения в ней социализма, является творческим развитием марксистской теории. Формальная неготовность России к социализму, в построениях Ленина, вполне способна компенсироваться скорой пролетарской революцией в европейских странах (прежде всего Германии), в силу чего его взгляды якобы не противоречат ключевым теоретическим постулатам К.Маркса.

В рамках этого направления вполне марксистским считается и модификация ленинской конструкции, произведенная И. Сталиным, который провозгласил «построение социализма в отдельно взятой стране». В рамках ленинско-сталинского учения мировую пролетарскую революцию, пусть и в какой-то отдаленной перспективе, первое в мире социалистическое государство должно не просто ждать, а всячески способствовать ее осуществлению, опираясь при этом на государственный потенциал России. Впрочем, фактическими приверженцами теории и практики «экспорта революции», в той или иной форме, были не только вождь мирового пролетариата, не только проповедники «теории перманентной революции» А.Парвус с Л.Троцким, но и правящий позже «отец народов». Таким образом, большевики были убежденными сторонниками полного соответствия учению К.Маркса произошедшей в России социальной революции.

Вторая группа теоретиков – это европейская социал-демократия, например К.Каутский и, отчасти Э.Бернштейн, а также конкуренты ленинизма в России – партия меньшевиков и другие. Суть идейных разногласий противостоящих сторон наглядно представлена в завязавшейся между этими революционерами эпистолярной дуэли – в брошюрах **В.Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский»** (1918г.) и **К.Каутского «Диктатура пролетариата»** (1918г.) и **«Большевизм в тупике»** (1930г.). Эта группа социал-демократов утверждала, что, в соответствии с аутентичным классическим марксизмом, пролетарская социальная революция возможна исключительно после достижения целым рядом наиболее развитых в индустриальном отношении стран определенного промышленного и общественного развития. По их убеждению, крупная промышленность должна достигнуть стадии монополистического капитализма, а пролетариат, в силу сопутствующих развитию индустрии процессов урбанизации, по численности стать сопоставимым с крестьянским населением страны, либо даже превзойти его. К.Маркс, в качестве главного претендента на родину первой в мире пролетарской революции, рассматривал Англию, экономическую историю которой он, по сути дела, и изучал всю жизнь. Отвлечемся от дискуссии марксистов и рассуждений Преображенского.

В нашем случае важно зафиксировать положение теории К.Маркса, смысл которого сводится к простой последовательности. Капитализм, за счет частной инициативы, конкуренции, борьбы за рынки, научно-технической революции, породил небывалый рост производительных сил, происходящих независимо от желания или нежелания каких-то социальных слоев общества. Промышленная революция создает глобальные рынки, крупные промышленные корпорации и соответствующие общественные и государственные институты и практики, включающие в себя гигантские потоки ресурсов, капиталов, знаний и дающие в готовом виде организационные структуры высочайшего уровня общественной организации и самоорганизации.

Возникающее в рамках естественного развития укрупнение промышленности достигает размеров, когда для построения социалистического, а затем и коммунистического общества, достаточно отстранить относительно небольшое число частных

собственников, создавших все это, и присвоить уже имеющиеся институты и активы пролетариатом, который К.Маркс наделял, по совершенно фантастической логике, возвышенными идеалистическими устремлениями и альтруистическими целеполаганиями.

Таким образом, пролетарская социальная революция отменяет частную собственность («*бьет час частной собственности – эксплуататоров экспроприируют*»), что должно привести к отмиранию государства, религии и семьи, полному сворачиванию господствующего до этого в истории принципа эксплуатации человека человеком (в марксистском понимании). На этой индустриальной базе, уже созданной длительным периодом господства капиталистических отношений, и воссияет бесклассовое общество. Здесь будет реализована голубая мечта социалистов, когда «*свободное развитие каждого, станет условием свободного развития всех*», произойдет небывалый до этого рост общественных благ, с постепенной реализацией главного коммунистического принципа: «*от каждого по способностям – каждому по потребностям*» и прочее в этом роде. В рамках классического марксистского свода иллюзий о мире, именно так будет построен рай на земле.

Соответственно, можно бесконечно рассуждать о «диалектическом развитии» теории К.Маркса, предпринятой В.Лениным и другими большевиками, однако необходимо констатировать, что возможность взятия власти в аграрной стране и построения социалистического общества в одном таком государстве, где до 85% населения проживает в деревне, – К.Маркс в своих трудах не признавал никогда. Четыре наброска ответа на письмо В.Засулич, с рассуждениями о крестьянской общине, так и не были отправлены адресату или опубликованы при жизни автора.

В итоге мы получаем следующую картину. К.Маркс говорит о том, что класс капиталистов создал готовые институты и экономическую базу для высокой степени социализации общества, которые пролетариат, также как класс, **в уже готовом виде**, может взять и использовать. Только, в фантазиях Маркса, не в эгоистических, а благородных целях достижения всеобщего блага, то есть использовать власть не ради своего собственного классового интереса, как это было всегда. Вопреки всем предшествующим рассуждениям Маркса о борьбе в классовом обществе, эксплуатации, идеологическом доминировании и навязывании своих представлений и воли правящим меньшинством остальному зависимому от него большинству – пролетариат, взяв власть, будет действовать исключительно ради достижения равенства и братства всего человечества. Возьмут власть над миром – и ради себя любимых использовать ее **не будут**. Никто никогда так ранее не поступал – а эти вдруг возьмут и станут бессребрениками, откажутся от христианских идеалов служения ближнему (религии ведь не будет), и одновременно, каким-то совершенно невероятным образом, добровольно согласятся быть последними и всем слугами, а не господами...

Чем это доказывается? Да ничем. Просто провозглашается – и все. Постулируется, **как безусловное** то, **чего никогда не было**. И утверждается, что только так и может быть в истории развития всех народов земли. Не много, ни мало. Вроде ленинского: «*учение Маркса всесильно, потому что оно верно*». Какие еще нужны доказательства? И под это выдуманное, мнимое будущее, – настоящая жизнь реальных людей, естественным образом сопротивляющаяся этому вымыслу и бредовым фантазиям, переворачивается с ног на голову, насилуется и истязается. Но – исключительно ради великой идеи! Очень характерно для всех революционных теорий.

Все эти милые философические прелести о прекрасном будущем, выглядят особенно умилительно после той реальной, а не навеянной марксистскими грезами, истории XX века, в ходе которой бандиты и проходимцы всех мастей, прикрываясь именем пролетариата, с вдохновенным остервенением резали представителей различных классов, в том числе и собственно пролетарских. Так было в России Ленина и Сталина, в Германии Гитлера, в Китае Мао Цзэдуна, Северной Кореи Ким Ир Сена, Кампучии Пол Пота и в других странах, где стали воплощать в реальность призыв Маркса с тем, что *«философия должна не объяснять этот мир, а изменять его»*.

В рамках этого социально-революционного творчества в Европе, Азии и Африке, в том числе и с активным участием низших слоев общества, были явлены примеры такого лютого человеконенавистничества, изуверства и иных клинических девиаций поведения, что становятся совершенно непонятными источники нежной привязанности К.Маркса к представителям именно пролетарского рода.

Но вернемся к теории Е.Преображенского. Он, вслед за Лениным, постулировал большевистский извод марксизма, совершенно игнорируя то, что Маркс в своих рассуждениях игнорировать не мог *никак*. Это далее и будет рассмотрено.

Е.Преображенский описывает социальную реальность, где необходимые для социалистического проекта общественные отношения не созданы, готовых институтов и обобществленной крупной промышленности с преобладающей численностью промышленного пролетариата – не существует. Даже те центры промышленности, что были до 1917 года – разрушены. Значительная часть горожан покинула города, чтобы физически пережить разруху. Однако теоретик большевиков убежден, что все будет нормально. Они, взяв власть в крестьянской стране с помощью пролетарской «партии нового типа» (точнее сказать: партии без пролетариата и с людьми очень старого типа) под лозунги о «диктатуре пролетариата» сварганят, что там по Марксу должно быть. Смочат пальцы, помусолят страницы «Капитала» да «Манифеста...», выпишут по пунктам, чего там надо склепать – и дело в шляпе. Какие проблемы? А там и европейский пролетариат скажет свое веское революционное слово...

В нашем случае необходимо отметить важный методологический момент. В спорах разных изводов марксистско-ленинского талмудизма о прекрасном завтра, тщательно опускается тот общеизвестный факт, что в соответствии с тем же классическим марксизмом, каждый класс или социальный слой, тем более занимающий господствующее положение в обществе, неизбежно обладает своим общественным сознанием, причем господствующим, своими материальными интересами, тоже господствующими по определению. И на страже этого господствующего мировоззрения и доминирующего экономического интереса, всегда стоит, очень даже не вымышленный, институт государственного насилия. Вплоть до танков, самолетов, артиллерии, пулеметов и отравляющих газов, что было наглядно продемонстрировано правящим партийным слоем, может быть сомневающимся на этот счет, русским рабочим и крестьянам во время **Кронштадтского, Ярославского, Тамбовского, Новочеркасского** и множества других восстаний.

Для Маркса это была аксиома, которую большевики вымарали из всех политических учений, вычистили из своего официального теоретического дискурса, совершенно мошеннически выведя из под действия социальных законов себя самих, как реальный господствующий класс или слой. Взамен Лениным было выдуманно учение о такой якобы «бесплотской», почти «бесполой» партии, таких волках-вегетарианцах, жующих морковку, а не кровавое мясо, которые ни на что никогда не претендуют и не

посягают – только трепетно служат интересам пролетариата – и все. То есть, беззакония творят ленинские и сталинские изуверы большевистской ОПГ, а прикрывается вся эта «революционная романтика» «диктатурой какого-то пролетариата» и творчеством каких-то революционных масс.

Ленин провозгласил учение о «**партии нового типа**». При этом им иезуитски был вставлен тезис о «незрелости и ограниченности» классового сознания этого самого господина, то есть пролетариата. Однако, к счастью пролетариев, их социальная неполноценность и классовая недоразвитость не является помехой к построению коммунистического рая, потому что все эти недостатки с лихвой компенсируются направляющей и организующей ролью профессиональных подпольщиков, революционеров этой самой партии нового типа, пасущих пролетарское стадо. Боевики этой группировки, вопреки марксизму, всей сумме общественно-политических наук, совокупному историческому опыту и обычному здравому смыслу, якобы не обладают своими узко эгоистическими политическими и экономическими интересами, а всегда действуют не только от имени, но и исключительно в интересах родимого, любимого, бесценного сокровища любой социалистической революции – пролетариата. А когда потребовалось – еще и в интересах беднейшего крестьянства. И если надо еще, то список можно пополнять, в зависимости от политической требы дня, так сказать, творчески, в соответствии с материалистической диалектикой и диалектическим материализмом. Главное – взять под контроль механизм государственного принуждения с ресурсами. А там все обоснуется...

Из всей совокупности доступных исторических знаний о власти партии большевиков, можно говорить, скорее, об аналогии этой модели с механизмом господства в Хазарском каганате, как это описывал **Лев Гумилев**, когда власть над туземцами перехватила малочисленная, но очень сплоченная группа, вполне так себе «партия нового типа» того времени. Вместо этого многие русские люди продолжают слушать сказки, которые нам долго рассказывали Ленин, Сталин и прочие коммунистические благодетели, всегда рядившиеся в тоги слуг народа, а сегодня назойливо навязывается неосоветской идеологией.

Победители пишут историю. Большевики, почти за век своего господства, сформировали весьма романтизированную биографию своего владычества над советским народом. Если убрать лозунги, очевидную социальную демагогию и откровенную ложь, то станет очевидным, что организация, построенная по закрытому типу, находящаяся десятилетиями в подполье и ведущая систематическую вооруженную борьбу с властью, регулярно совершающая убийства, грабежи и разбои, сидящая в тюрьмах и ссылках, – неизбежно сформирует особый костяк руководителей-вождей, жесткую иерархию и безоговорочную дисциплину. Эта организованная на иезуитских принципах группа, профессионально владеющая технологиями подавления и расправ, пользующаяся для подчинения масс социальной демагогией и откровенным обманом, никогда никому служить **не станет**. Она подчинит себе тех, кого можно использовать в своих целях – и безжалостно истребит всех непокорных и несогласных. Что большевики с успехом и делали в реальной, а не искусственно сконструированной истории России и других стран.

Если рассматривать исторические события не сквозь призму заведомого официального вымысла, вчерашнего и сегодняшнего, если оценивать события с точки зрения здравого смысла и интересов конкретного человека, а не выдуманных общностей будущего, – прогрессивных классов, революционного сознания и прочих вир-

туальностей, – тогда понять, что *большевизм и бандитизм родственны друг другу* – не составит никакого труда. Борьба за власть в среде большевиков более схожа с бандитскими разборками Ореховской, Тамбовской, Люберецкой или кавказской организованных преступных группировок (ОПГ), а не борьбой за счастье какого-то там пролетариата. Класть жизни этого самого пролетариата, ради интересов своего организованного сообщества, – это да, разумеется. А служить каким-то социально-политически недоразвитым группам населения, у которых не хватает мозгов даже осознать свои собственные интересы, как это в издевательской манере утверждал товарищ Ленин, – это наговор на революционную братву.

Подставьте на место криминально-мафиозных кланов, перечисленных выше, реальную историю взаимоотношений большевиков, меньшевиков, да эсеров с анархистами, а затем братски-товарищеское взаимодействие в победившей большевистской банде – и, как говорится, попробуйте найти хотя бы пять отличий. Этим можно объяснить некоторую несовместимость образов будущего, если рассматривать отдельно теоретический марксизм и практический большевизм. Многие западные интеллектуалы преклоняются перед Марксом, как великим гуманистом. Отчасти – это справедливо. Ведь с точки зрения марксизма, социальная революция, в конце концов, должна была пройти почти бескровно, с минимальным уровнем революционного насилия и свестись в итоге к банальному отжиму собственности, гуманной «экспроприации» очень незначительного числа презренных буржуинов. Несколько десятков тысяч богатеев, да сотня другая тысяч из их окружения. На сто миллионный, условно говоря, народ. И говорить не о чем, ибо на фоне истории XX века, это действительно неимоверно человеколюбивый гуманизм.

А вот с большевиками ситуация иная. Богатеи бездельники мало что пока успели создать, чтобы просто их ограбить и потом жить всласть, ничего не делая, а предаваясь неге творческого времяпровождения во все увеличивающееся свободное от работы время. Тут все по-другому. Страна крестьянская, дикая, мелкобуржуазная, с любовью к земле, своей частной собственности, постоянно воспроизводящая капитализм и конкуренцию, защищающая свои эгоистические интересы, не вписывающиеся во всеобщее уравнильное прекрасное завтра. Так что перед большевистскими боевиками действительно, стояла очень трудная задача. Сколько вокруг непримиримых классовых врагов, 85% упертых эгоистов. Столько работы...

В нашем случае важно иметь в виду и сохранять в памяти этот, ключевой для дальнейшего рассмотрения теории «первоначального социалистического накопления» Е.Преображенского, момент.

Однако, вернемся к построениям Е.Преображенского. Он признает, что капиталистическое хозяйство взаимодействовало с докапиталистическим хозяйством, уступающим ему по эффективности, путем естественной конкуренции, **без внеэкономического насилия**. А вот социалистический комплекс, утверждает теоретик, напротив, не может, возникать поэтапно, естественно, по частям, эволюционно, а возникает в результате социальной революции и экспроприации; поэтому должен выстраивать свои отношения с «исторически менее прогрессивным» капиталистическим хозяйством, опираясь исключительно на **внеэкономическое принуждение**.

Причина заключается в том, что капиталистическое хозяйство расплывлено, развивается не организовано, стихийно, путем «... партизанщины, индивидуальной инициативы и конкуренции», а социалистическое хозяйство считается сформированным только после создания единого общегосударственного механизма, который только

и будет, в конечном итоге, более эффективным экономически по сравнению с капитализмом. По этой причине государство обязано изымать ресурсы у частного собственника принудительными, **не экономическими методами**, перенаправляя эти ресурсы в новое государственное хозяйство.

В принципе, постулируется схема банального государственного грабежа, о чем подробнее – далее.

«Во всяком случае мысль о том, – говорит Е.Преображенский, – что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны».⁽⁷⁾

Не терпится спросить автора этих наивных и наглых рассуждений: а что будет, если мелкобуржуазный производитель, т.е. крестьянин в данном случае, откажется отдавать социалистическому государству больше, чем ранее он отдавал государству капиталистическому? Даже принудительно? Если проявит политическую несознательность и реакционность? И более того, составляя подавляющее большинство населения страны, посчитает необходимым отказаться от прекрасных завоеваний революции? Таким, по всей видимости, привет от ОГПУ и Тухачевского?

Далее Е.Преображенский утверждает, что до тех пор, пока не будет пройден весь путь социалистического первоначального накопления, хозяйство социалистическое является менее конкурентным и эффективным, нежели капиталистическое. По этой причине, прямая конкуренция капиталистического и вновь образовавшегося социалистического предприятия на основе равенства экономических условий их функционирования невозможна, так как первая экономически будет более эффективной. Но сравнивать их исторические достоинства на основании эффективности, по убеждению Преображенского, никак нельзя!

Читая теоретические конструкции автора, невольно удивляешься, насколько оторванность от жизни, реальной организации труда, практики созидательной производственной деятельности, может изуродовать сознание человека, оглушенное вымышленными книжными догмами, доводя исследователя до состояния полной невменяемости! Посудите сами.

Идет 1924 год. Россия, после мировой и гражданской войн, разрушительного для хозяйства периода «военного коммунизма», в буквальном смысле стоит на грани физического выживания. Промышленность загружена, по разным отраслям, всего лишь на 3-5, от силы на 15% от довоенного, уже такого далекого 1913 года. В городах голод и разруха, деревня разорена... И в этот момент, когда, с точки зрения любого вменяемого человека, необходимо восстановить хозяйство в кратчайшие сроки, **любыми путями и любыми способами**, чтобы только скорее обеспечить хотя бы минимальные **потребности людей** и страны – автор спокойно констатирует будни работы Госбанка, продиктованные революционным сознанием эпохи и теоретическими постулатами победившего большевизма:

«Этим объясняется тот факт, что в настоящий момент Госбанк не кредитует частной торговли и промышленности, несмотря на готовность их платить больше государственных предприятий, а кредитует почти исключительно последние. **С точ-**

ки зрения задач социалистического накопления такая политика является единственно правильной».⁽⁸⁾

Чтобы по настоящему осознать, что означает вышесказанное, необходимо представить реальное состояние, в котором оказалась страна в это время, когда в 1921г. урожай составил не 80% от среднего по годам, как обычно бывало при сильной засухе, а всего лишь 43% от довоенного 1913-го.

«В 1921г. в РСФСР начался голод, охвативший около 40 губерний. К концу года голодало уже более 23 млн. человек. **К началу весны умер один миллион человек, еще два миллиона детей стали сиротами.** 27 января «Правда» писала о **повальном людоедстве** в голодающих районах: «В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары, наблюдается небывалое явление повального людоедства. Доведенные голодом до отчаяния и безумства, съевши все, что доступно глазу и зубу, люди начинают есть человеческие трупы и тайком поедают собственных умерших детей».

По поручению Ленина М.Горький, как независимое лицо, обратился к мировому сообществу с просьбой оказать помощь голодающей России. Итогом переговоров советских и американских дипломатов, стала деятельность **Американской администрации помощи** (АРА) (American Relief Administration, АРА), которая организовывала питание и раздачу медикаментов и одежды на территории нашей страны. Первыми начали кормить голодающих детей. Пароход «Феникс» с грузом продовольствия прибыл в Петроград 1 сентября 1921г., а уже 6 сентября в Петрограде была открыта первая в Советской России столовая АРА, а всего в городе было открыто 120 кухонь, кормивших 42 тыс. детей.

Через четыре дня детский питательный пункт был открыт в Москве. Уже к 10 декабря 1921г. АРА в Самарской губернии кормила 185 625 детей. В Казанской губернии кормили 157 196, в Саратовской – 82 100, в Симбирской – 6075, в Оренбургской – 7514, в Царицынской – 11 000 и в Московской – 22 000. Всего 565 112 детей. Организаторы помощи голодающим организовали схему продуктовых и вещевых **купонов** и каждый в США и Европе мог купить этот купон за 10 и 20 долларов соответственно, по которому нуждающиеся уже в России отоваривали эти купоны на складах АРА. В продовольственную посылку входило: 49 фунтов муки, 25 фунтов риса, 3 фунта чая, 10 фунтов жира, 10 фунтов сахара, 20 банок сгущенного молока. Общий вес посылки составлял около 53 кг.

В мае 1922 года питание от АРА получали 6 099 574 человека. Так, **Американское общество квакеров** кормило 265 тысяч, **Международный союз помощи детям** кормил 259 751 человека, знаменитый **Нансеневский комитет** – 138 тысяч, **шведский Красный Крест** – 87 тысяч, **германский Красный Крест** еще 7 тысяч, британские профсоюзы – кормили 92 тысячи, организация **Международной рабочей помощи** – 78 011 человек. До конца 1922г. со стороны АРА помощь продовольствием получили более 10 млн. человек.

Приставленные к сотрудникам АРА чекисты отмечали в своих донесениях, что АРА своими продуктовыми посылками снабжает, главным образом, бывшую российскую буржуазию, поэтому ГПУ стало считать пребывание АРА в России нежелательным, в особенности после того, как голод в Поволжье пошел на убыль. В июне 1923г. было подписано соглашение между АРА и РСФСР о прекращении ее деятельности и роспуске персонала, после чего свои функции ею были переданы **Швейцарскому комитету помощи детям.**

Жители Самарской области стоят на коленях перед представителями АРА, организовавшими привоз продовольствия голодающим (1922 г.).

Итог был таков: за 2 года своей деятельности АРА израсходовала 78 млн. долларов, из них: 28 – деньги правительства США, 12,2 – советского правительства, остальные – пожертвования частных организаций и физических лиц. М. Горький в письме **Герберту Гуверу**, организатору АРА со стороны правительства США, высказался о деятельности АРА так: «Ваша помощь будет вписана в историю, как уникальное, гигантское свершение, достойное величайшей славы, и надолго останется в памяти миллионов русских... которых вы спасли от смерти».⁽⁹⁾

Итак, «До конца 1922г. усилиями входящих в АРА организаций была оказана помощь более 10 млн. человек. Например, к ноябрю 1922г. АРА организовала в Башкирской АССР 138 приютов, 46 столовых на 21 570 человек, а в мае 1923г. – 765 столовых на 118 478 человек. Общий объем переправленных в посылках продуктов составил 75 тыс. тонн. По данным самой АРА количество посылок составило 930 530. Представительства организации были открыты на территории 38 губерний РСФСР.

По оценкам «Наркомвнешторга», АРА ввезли 595 тыс. тонн продовольствия, медикаментов и одежды общей стоимостью 136 млн. рублей золотом. Для питания голодающих было открыто более 15 тыс. столовых. В июле 1922г. пищу в столовых АРА и паек кукурузы, получали 8,8 млн., а в августе – 10,3 млн. человек. В пик активности на АРА работало 300 американских граждан и более 120 тыс. советских граждан».⁽¹⁰⁾

Что мы видим? Только что, в 1921-1922 годах, в стране свирепствовал жуткий голод, вошедший в историю под названием **«голод Поволжья»**, в ходе которого за несколько лет умерло, по оценкам разных историков, **от 3 до 5 млн.** человек. Точных данных умерших от этого голода мы не узнаем никогда, потому что учет смертно-

сти просто не велся. Голод сложился из нескольких факторов – последствий разрухи гражданской войны, сильной засухи и, катастрофически усугубивших их, безумных социально-экономических экспериментов, проводимых властью. Именно безумие этих новых форм «организации экономических отношений», по факту, было признано самими большевиками, вынужденными отменить их.

Крестьянин, у которого насильно и безвозмездно отбирали, в рамках политики «продразверстки», все «излишки», стал меньше сеять, чтобы меньше отдавать. Иногда снижение посевов происходило вынужденно, просто из-за отсутствия семян – крестьяне их просто съедали, задолго до весны. Этот голод, во многом рукотворный, оказался **крупнейшей для того времени катастрофой в европейской истории, после средневековья.**

Коммунистические историки очень любят обвинять западный мир в искажении смысла событий или сокрытии каких-то исторических фактов, продиктованных политическими интересами. Однако, относится ли это только к западной исторической науке? Насколько объективно освещался вопрос деятельности АРА в советской истории, и освещался ли вообще? Оказанная иностранцами помощь спасла от неминуемой гибели от голода и болезней миллионы людей. Напомним, что на территории, где в то время проживало до 90 млн. человек, голодали около 40 млн., почти половина. Однако подавляющее большинство советских людей, да и граждан современной России, практически ничего не знают об этом эпизоде истории, поскольку распространение информации об этом шло вразрез с интересами коммунистической власти.

В СССР не было принято особо распространяться и по такому факту, что в начале 1920-х годов «жадные капиталисты» Европы, которых интересует только «чистоган наживы», какое-то время **отказывались покупать хлеб**, выбитый коммунистами из голодающей деревни. Это зерно было взято у крестьянина уже в рамках продналога новой экономической политики (НЭПа), а не продразверстки «военного коммунизма». Однако из-за того, что в России был голод, о котором стало известно всему миру, торговцы не могли идти против общественного мнения в своих странах и отказывались от сделок, объясняя, что не могут покупать, т.е. соглашаться вывозить от нас хлеб, в условиях такого катастрофического голода.

Не стоит идеализировать западный мир и капиталистов – рынок диктует свои жесткие правила. В США было перепроизводство продовольствия и в условиях Первой мировой войны накопилось много продовольствия, медикаментов, одежды и т.д. Выброс на рынок такого количества товаров мог привести к негативным последствиям. Европейские предприниматели, может быть, были бы готовы купить зерно, которое коммунисты желали продавать и со значительными скидками. Однако, если осмыслить всю совокупность доступной нам информации, а не подлые коммунистические агитки, то, безусловно, придется признать, что тогдашний мир капитализма, отнесся к чужому для них простому народу России, неизмеримо гуманнее, человечнее и сострадательнее, нежели те орды одурманенных коммунистическим бредом нелюдей, захватившим власть в нашей стране.

Западный мир «капиталистического чистогана», которому мы – никто, – и тот содрогнулся тогда, увидев масштаб страданий людей, совершенно дикий для мирного времени, при том происходящий в еще совсем недавно мощной аграрной державе. А коммунистическим правителям на это наплевать! Они озадачены перспективами мировой революции и страдания каких-то там крестьян, доведенных голодом до мас-

сового людоедства, им безразличны. Революционеры – это особенные люди, ослепленные своими бесчеловечными теориями, что делает их безжалостными к ближним. Паралич сознания революционеров заключается в том, что ради преодоления капиталистической эксплуатации и неравенства, они обрекают людей на еще большие страдания и жертвы – и не желают этого замечать! Хотя на самом деле, народ нужно было защищать не от неравенства, а от этих самих борцов с неравенством и эксплуатацией. Вместо того, чтобы восстанавливать хозяйство как можно скорее любыми эффективными способами – они выискивают идеологически правильные формы хозяйствования – а неправильным частным крестьянским и торговым предприятиям кредиты выдавать не желают. Как можно назвать правителей, сознание которых не трогает даже массовое людоедство обезумевших от голода людей?

Дело не только в голоде самом по себе. Весь мир долгое время (какая-то его часть и сегодня) постоянно голодал, отчего умирали миллионы. Однако в XIX веке в Европе с голодом было покончено. Без колхозов и совхозов, без революционеров и ОГПУ. Каким образом? Отмена крепостного права, строительство железных дорог и развитие рынка зерна и продовольствия вообще. В результате, неурожай в одной местности, компенсировался поставками из других регионов, где был избыток зерна. Ничего фантастического. По этому пути шла и Россия. Последний массовый голод, переживаемый империей, был в 1891-1892 годах, когда по разным оценкам, умерло от 350 до 700 тыс. человек. Тогда власти были вынуждены даже покупать зерно за границей. Тогда же, кстати, были поставки гуманитарной помощи и из США, которые повторились ровно через тридцать лет. Меры, принятые после этого голода уже новым императором – Николаем Александровичем, проблему массового голода из-за неурожая, сняли. Ничего подобного при последующих неурожайных засушливых годах в России больше не было.

Поэтому высказывания Е.Преображенского об отказе кредитования частного сектора Госбанком (других же банков нет), даже за большие проценты, свидетельствуют об экономическом садизме, который является неизбежным следствием насаждения не нужных, невыгодных людям кабальных форм хозяйствования, вводимых коммунистическими правительствами насильственными методами. Ведь это, в той или иной форме, происходило во всех странах, где были установлены коммунистические режимы. Таким способом коммунистическая номенклатура реализует свою власть в области социалистического хозяйствования, используя в определенные периоды террор, как технологию подавления сопротивления, а голод и рабство, как формы принуждения к новому порядку.

Живодерство большевистской экономической политики, основанной, в том числе и на подобных теоретических постулатах Преображенского – напомним, что его идеи продвигал Троцкий, а позже в еще более жесткой форме реализовал Сталин, – особенно наглядно на примере нормальных многоукладных экономик, по пути которых шло большинство стран в XX веке.

Трагизм отечественной истории заключается в том, что Российская империя, накануне революций 1917 года, уже нащупала и успешно выстраивала тип многоукладной экономической модели, которой, кстати говоря, на тот момент не было ни в одной стране мира. В России присутствовала крупная, средняя и мелкая частная собственность, в том числе иностранная, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Была самая развитая в тот момент кооперация свободных крестьянских хозяйств, например, грандиозная система кооперации сельхозпроизводителей Си-

бири, и огромное разнообразие ремесленничества и артельных форм производства. В стране было множество казенных предприятий, принадлежащая казне сеть железных дорог. Российский рынок был крайне привлекателен для наиболее развитых в индустриальном отношении государств мира и ежегодно в стране открывались самые передовые предприятия, на которых флагманы капиталистической индустрии монтировали оборудование по последнему слову техники, которые эти же владельцы устанавливали и у себя в Германии, Бельгии, США, Англии, Франции и так далее.

С начала XX века в Российской империи, при Николае II, активно реализовывался механизм развития, который после Второй мировой войны будут называть «немецким, японским, корейским, тайваньским, сингапурским и китайским» экономическим чудом. В основе индустриального рывка Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Германии, а позже и Китая, была идея ускоренной модернизации промышленности на базе достижений научно-технического прогресса и привлечения капиталов, технологий, с выходом на мировые рынки сбыта. Индустриальное развитие этих государств стало возможным в связи со складыванием глобальных рынков товаров массового потребительского спроса.

Российская империя раньше других стран в начале XX века вступила на путь создания наиболее оптимальной в век НТР многоукладной экономики. Страна имела государственные железные дороги, то есть была реализована социализация строящихся частным капиталом транспортных артерий страны. Наряду с частными, постоянно строилось казенные заводы, прежде всего машиностроительные. То есть мы имели при царе все возможные формы собственности, которые позволяли вести любые технически доступные способы хозяйствования, и все это обеспечивало свободное развитие производительных сил, дающее максимальную общественную эффективность благодаря работе механизма конкуренции. Смешанная структура форм собственности создавала огромный выбор для служащих, инженеров, чиновников, рабочих и крестьян, поскольку никто никого никуда не загонял, не расстреливал, не навязывал силой монопольные, удобные только правящей номенклатуре, формы хозяйствования. Каждый мог добровольно выбрать выгодную и доступную ему работу, из достаточно широкого перечня форм собственности, как в деревне, так и в городе. Можешь хозяйствовать на земле сам – хозяйствуешь, развиваешься, за счет 2% государственного кредита покупаешь бывшие помещичьи земли, а при необходимости объединяешься в кооперативы, если тебе это выгодно. Не можешь вести самостоятельное хозяйство – нанимаешься к помещику или соседу крестьянину наемным работником. Не желаешь подчиняться другим – можешь поехать в Сибирь, на Алтай, получить от государства ссуду на переезд, льготный кредит, помощь в обосновании на новом месте. Не устраивают эти варианты – займись ремеслом сам, либо добровольно вступай в артель, объединяйся с такими же частниками, и работайте там, где желаете и можете. Не подходят эти варианты – тогда идешь в город, учишься и работаешь на заводе, фабрике или шахте, частной или государственной. Либо учишься на инженера, учителя, врача, военного – и так далее – если есть желание и способности.

Трудолюбивому человеку Российская империя начала XX века давала максимальные возможности для того, чтобы выбиться в люди. Среди успешных предпринимателей, ученых, инженеров, военных, деятелей искусства и прочих сфер деятельности – огромное число выходцев из крестьянства и иных не привилегированных

слоев общества. Конечно, все это требовало усилий со стороны человека. Но в мире набирала обороты техническая революция, когда повсеместно массово внедрялись двигатель внутреннего сгорания, электричество, механизация и автоматизация, что постепенно освобождало человека от изнуряющего физического труда и позволяло в короткие сроки увеличивать производительность труда в десятки и сотни раз, повышая на этой основе жизненный уровень большинства работников.

Технологическая модернизация в XX веке происходила во всех странах, независимо от политической системы, формы правления и других национально-исторических особенностей. Абсолютная или конституционная монархия, президентская или парламентская республика, хоть Джамахирия – нет никакой разницы. Типовые технологические линии могут работать в любой стране мира. Можно было развивать плановые начала и, одновременно, не препятствовать любой частной инициативе, поскольку власть контролировала собственную финансовую систему, имела мощную армию, прекрасную науку и несметные природные богатства. Стремительный рост населения и освоение все новых уголков Российской империи, открывал перед нашим народом необозримые перспективы развития, что вынуждены были признавать все – от ненавистника самодержавия К.Маркса, до прагматичных представителей мировых банковских структур.

То есть можно было построить современную индустриальную державу, отвечающую требованиям НТП, без тотальной монополии партийной номенклатуры, без рабских колхозов, без пыток и подвалов, чисток и внесудебных массовых расправ. Коммунисты обманом и силой навязали нам иной путь. Приход к власти большевиков закрыл вариант развития многоукладной, т.е. наиболее оптимальной формы хозяйствования, по которой Российская империя шла до революции. Развитые страны мира стали перестраиваться на рельсы многоукладной экономики, преимущественно, уже накануне Второй мировой войны и, особенно, после нее.

А мы пошли другим путем...

Итак, Госбанк в 1924 году не предоставляет кредиты частному сектору, о чем нам повествует Е.Преображенский. Однако в будущем ситуация может измениться, потому что большевики не так глупы, как это может показаться на первый взгляд:

«Но в будущем положение в этой области должно измениться, и может наступить момент, когда кредитование частного хозяйства превратится **в одно из важнейших орудий его эксплуатации** государственным хозяйством и в одно из важнейших средств экономического подчинения его регулирующим центрам государственного хозяйства... Из сказанного мы видим, таким образом, что вся наша кредитная политика в настоящее время подчинена, и не может не быть подчинена, закону первоначального социалистического накопления».⁽¹¹⁾

Эта цитата вскрывает три интересные вещи.

Первое: Что коммунисты считали вполне естественным ограбление подавляющей части населения страны, коим являлось крестьянство. Учение о «диктатуре пролетариата», а на самом деле – диктатуры партии – относится к насильственному изъятию, как само собой разумеющемуся положению вещей. Раз можно насильственно изъять что-то у крупного собственника (в революцию), то почему нельзя осуществить, то же самое в отношении мелкого (после революции)?

Второе: Что коммунисты, после прихода к власти, независимо от конъюнктуры экономической ситуации и колебаний собственной хозяйственной политики, никогда не рассматривали вопрос **предоставления крестьянству права самостоя-**

тельного определения и выбора форм хозяйствования. Для большевиков это было исключено в принципе. Они могут немного потерпеть всю эту мелкотоварную стихию. До поры до времени. Дать поросенку немного подрасти. Но, в конечном счете, крестьянство будет принудительно лишено экономической свободы и самостоятельности, то есть изведено на корню, как класс независимых частных собственников. Иначе никакого социализма не получится. На этом лишении крестьян свободы, т.е. фактического закабаления большинства населения страны, коммунистические идеологи, когда поют хвалебные оды сталинизму, предпочитают не заострять особо внимание.

И третье: Поскольку верхушка партийной номенклатуры состояла из членов «партии нового типа», т.е. профессиональных революционеров-бездельников, никогда толком не учившихся и не работавших, а только отбиравших и деливших чужое, то в ее психологическом складе сформировалась странная доктрина и психологическое убеждение. Оно состояло в том, что работник, лишенный права свободы труда и постоянно подвергающийся ограблениям, тем не менее, должен продолжать трудиться с прежним старанием, как будто работает на благо себя и своей семьи. Доминирование личной заинтересованности при мотивации к труду – эта идея никак не помещалась в мозгах революционеров очень долгое время. Практически так и не прижилась никогда.

В партийных дискуссиях начального периода НЭПа часто озвучивалась примерно такая схема решения экономических вопросов: нам надо, поэтому мы просто забьем у крестьянина больше – через повышение налогов или через завышение цен на продукцию промышленности («ножницы цен»), – и все! Куда мол, крестьянин денется? Просто будет еще больше работать – вот и решение всех проблем. И крестьянин, как-нибудь сдюжит – и мы такие прогрессивные, ведем страну к будущему коммунистическому процветанию. Эх, как хорошо править таким удобным способом! Взял – и отнял. А его, продукта труда, становится все больше и больше. Только успевай отбирать!

И когда в итоге эти умники сталкивались с уменьшением засеваемых площадей, падением хлебозаготовок или отказом крестьянства продавать собственный хлеб за бесценок, что, разумеется, ставило правителей на раскоряку, заводя ситуацию в стране в тупик – партийные чиновники искренне удивлялись таким результатам собственного «управленческого гения». На таких вот наивно-коммунистических представлениях о трудовой мотивации и строилась экономическая политика номенклатуры почти все время ее нахождения у власти.

Далее Е.Преображенский в своей статье рассуждает о взаимоотношениях государственной и частной торговли и о том, как обеспечить максимальное «первоначальное социалистическое накопление» в этой сфере экономики страны. Чтобы не перегружать текст цитатами и примерами с числовыми выкладками, которые приводит сам автор для иллюстрации своих рассуждений, возьмем упрощенную модель, через которую будет понятна логика его рассуждений. Необходимо все время помнить, что описывается экономическая ситуация 1923-1924гг.

Итак, в торговых операциях принимают участие следующие стороны: государственная торговля и промышленность, само государство, определяющее уровень цен на продукцию промышленности, сроки уплаты налогов деревней, виды и величину налогов, экспорт хлеба и прочее – с одной стороны; индивидуальное крестьянство, частные торговцы и ремесленники-кустари – с другой.

Автор называет эти группы *«враждебными системами»* в борьбе за прибавочный продукт. Успех государственного сектора означает рост первоначального социалистического накопления (ПСН) – что очень хорошо. Успех частной сферы, т.е. получение прибыли частными домовладениями – это потери для первоначального социалистического накопления (ПСН) – что очень плохо.

Интерес государства состоит в том, чтобы государственная торговля закупала больше продукции у частного сектора – и реализовывало бы эту же продукцию, в идеале – другой части этого же частного сектора. Например, государственный закупщик берет зерно у крестьянина – и продает его кустарю; либо покупает изделие у кустаря – и продает крестьянину. Вся наценка от продаж идет государству в счет ПСН. Не плохо, когда государственная контора закупает хлеб у крестьянина – и продает его рабочему или реализует на экспорт, т.к. торговая прибыль также идет в счет ПСН. Также выгодно государству, когда крестьянин, вырученные от продажи своего хлеба деньги, тратит на продукцию государственных промышленных предприятий – потому что прибыль и торговая наценка остается на балансе государства, в конечном счете, поступая в фонд ПСН.

Проблемы для государства начинаются тогда, когда посредником в движении товарных потоков встает не государственная заготовительная или торговая контора, а частный торговец, который получает прибыль от покупки и продажи товаров, как частного, так и государственного сектора. То есть доходы, вместо того, чтобы литься рекой в фонды ПСН, преступно утекают в частные домохозяйства, повышая жизненный уровень предприимчивых людей, что, с точки зрения большевизма, является экономическим преступлением, просто временно разрешенным в тактических целях. Другими словами, каждый рубль, оставшийся в частном хозяйстве, а не перекаченный в государственные фонды – это потерянный для ПСН рубль, что отдаляет построение социализма и так далее.

То, что этот вариант способствует повышению платежеспособности крестьянина, кустаря и частного торговца, а также позволяет им совершенствовать собственную сферу производства товаров – для Преображенского не имеет совершенно никакого положительного значения. Частный сектор, в любых формах и масштабах, с его точки зрения, будет, в конце концов, ликвидирован. А построенная огромная государство-фабрика сделает всех счастливыми, более обеспеченными, чем при капитализме. В каком-то отдаленном, но прекрасном будущем.

Такая вот наивная уверенность людей, ничего в своей жизни, кроме ручки и ложки в руках не державших. И, казалось бы, можно как-то понять интеллигентскую инфантильность, непрактичность и просто жизненную недоразвитость, вытекающую из профессиональной неосведомленности в вопросах промышленного и сельскохозяйственного производства. Однако теоретик принудительного изъятия ресурсов у эффективно работающего крестьянина, кустаря и частного торговца, сам прекрасно осознает факт их более профессиональной и продуктивной работы, в сравнении с социалистическим сектором, где мотивация к труду значительно ниже, чем у частника. Видит очевидные факты, владеет статистикой – ***однако эти знания реальной жизни ничего не значат в сравнении с совершенно абстрактными и произвольными теоретическими построениями***, достоверность которых, на самом деле, равна нулю. Это просто предположение, гипотеза, мечта, манящее сказочное далеко. Нечто, не имеющее никакого практического обоснования на фоне опыта других промышленных стран. Кроме того, не соответствующее элемен-

тарному здравому смыслу. Однако теоретический разум делает выбор не в пользу известного факта и доступного опыта, а в пользу гипотетического предположения, идеологически чаемого идеала.

Отказ от реальности в пользу вымысла – неистребимое свойство любой **революционной теологии**, являющейся причиной неисчислимых бедствий для всех без исключения народов, пошедших этим путем. Е.Преображенский пишет:

«... на данной стадии развития госторговля ведет свои дела хуже частной торговли и для нее наиболее актуальным вопросом является пока сокращение издержек хотя бы до уровня частной торговли. Но здесь нам важно теоретически правильно поставить всю проблему, потому что дело идет не о политике текущего дня, а о понимании основных процессов развития целого периода социалистического развития (*то есть человек тут вам не шутки шутит, а горизонты будущего прозревает!* – **прим. наше**). Ниже мы увидим, какие огромные трудности стоят на пути конкуренции госторговли с частным капиталом и как эти трудности упираются в основные проблемы социалистического строительства вообще. Мы должны только отметить здесь, что вследствие крайней бедности страны капиталом и в обстановке довольно быстрого развития товарообмена в ней торговая прибыль достигает огромных размеров, которые напоминают ситуацию из периода первоначального капиталистического накопления. При этих условиях этот участок накопления приобретает крайне важное значение и **успехи частного капитала очень сильно задерживают здесь приток средств из мелкобуржуазной среды в фонд социалистического накопления**».⁽¹²⁾

Автор описывает принципиально **противоестественную** хозяйственную ситуацию, являющуюся результатом противоестественных же принципов организации экономики. Но в силу идеологической предвзятости и собственного имплицитного интереса, как члена партии большевиков, делает из наглядных фактов противоположные по смыслу выводы. Конкретную палитру взаимоотношений частного и государственного секторов периода НЭПа можно продемонстрировать, опираясь на книгу убежденного сталиниста историка **Ю.Жукова «Оборотная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР, 1923 – 1925 годы»**.

Вкратце ситуация выглядела следующим образом. Крестьянство было измучено различными поборами со стороны государства, число разных по форме налогов доходило до 30-35 – зерно, яйца, молоко, масло, работы с использованием своего гужевого транспорта и так далее. В конце концов, был введен основной единый денежный налог, и крестьянин должен был оплатить его до определенного числа – обычно в конце лета – начале осени. В период продразверстки «военного коммунизма», то есть просто грабежа крестьян, хлеба катастрофически не хватало всем и народ по этой причине голодал, – в связи с чем цена свободно продаваемого на рынке крестьянского хлеба была высокой. Но тогда, как раз, государство собирало налоги с крестьянина не деньгами, а в натуральном виде. И крестьянин мало что выигрывал от высоких цен на свой хлеб, поскольку товаров промышленности все равно не было или цены на них были очень высокими.

С введением продналога, т.е. фиксированного обложения крестьян в рамках НЭПа, в течение нескольких лет производство зерна в стране резко увеличилось. По крайней мере, объем зерна, который стал поступать в продажу, увеличился в разы. Но теперь налог полагалось платить деньгами, причем летом или в начале осени, в период сбора урожая по всей стране. Соответственно, крестьянин нес свой хлеб на

городской рынок или предлагал его перекупщику – государственному или частному, чтобы вырученными деньгами уплатить налог.

В предыдущие годы, при крайнем дефиците зерна, государственные заготконторы скупали его для снабжения городов и экспорта. Получивший экономические стимулы к производству зерна крестьянин резко увеличил его производство, что почему-то оказалось неожиданностью для партийных функционеров. Но увеличение предложения зерна в период его массового выброса на рынок, естественно, обвалило цены. Если раньше крестьянин продавал пуд зерна за 2, а то и 3 рубля, то теперь цены обрушились, по разным регионам, до 80-50, а кое-где и до 30 копеек за пуд. Надо отдать должное, что государство пыталось нарастить объемы закупки зерна на рынке, чтобы выровнять цены, но это делалось, как обычно, крайне нерасторопно. Крестьянин оказался в обычной при социализме ситуации, когда государство цинично эксплуатирует человека: надо срочно платить налог, для этого нужно продать зерно, но оно подешевело в 5-10 раз, то есть ситуация диктует отдать плоды всего своего труда за год за гроши...

Из пояснений Ю.Жукова и Е.Преображенского следует, что государство помогает финансовыми и организационными ресурсами государственным же структурам. Далее, на селе примерно 30-40% крестьянских хозяйств не имеют лошадей. И государство вообще освобождает эти бедняцкие хозяйства от налогов, переложив данное бремя на плечи более сильных семей. Среди остальных 2/3 крестьянских хозяйств, примерно половину товарного зерна поставляют 10-15% наиболее сильных, тех, которых потом зачислят в «кулаки». Именно этот, наиболее тягловый, трудоспособный и волевой костяк деревни, производящий большой объем товарного зерна, и не захотел продавать свой хлеб за бесценок, что позднее привело к систематическим проблемам с хлебозаготовками и послужило одной из причин проведения большевиками насильственной коллективизации, т.е. очередной экспроприации и тотального разорения крестьянства.

Подытоживая вышесказанное необходимо подчеркнуть, что побороть экономическими методами частный сектор коммунисты не могли *ни при каких условиях* – и факты, излагаемые Преображенским и Жуковым, однозначно об этом свидетельствуют. Большевики не дают торговле кредитов – но та торгует больше и лучше. Они придают крепкие хозяйства крестьян налогами, защищая бедняцкие слои – но это практически ничего не дает. Партийная номенклатура видит, что даже минимальные экономические свободы, данные крестьянину, ремесленнику-кустарю и торговцу, стали резко выправлять ситуацию в экономике, а страна стремительно шла, по многим показателям, к достижению экономического уровня, который имела до первой мировой войны. И достигалось это, в первую очередь, благодаря частному сектору, который даже в менее выгодных условиях обеспечивал более высокий экономический результат.

Именно *практика* наглядно демонстрировала, что рост частного сектора означал укрепление частной собственности и демонстрировал убогость всех форм коллективной организации труда, как в деревне, так и в городе, где частник и государственная контора пересекались в конкуренции. В ходе хлебозаготовок 1925-1926гг. лоб в лоб столкнулись экономические интересы бюрократического партийного аппарата и свободного крепкого крестьянства. Во многих регионах страны стали звучать призывы к созданию **крестьянской партии**, вместо господствующей РКП, которая, по мнению крестьян, не представляла их интересы. Вот сведения на этот счет, приводимые Ю.Жуковым:

«Самым крупным фактом, – сказал Вячеслав Молотов, – характеризующим настроение деревни, должны быть признаны события в Грузии. Вам всем известно (речь идет о восстании в Грузии в августе 1924г. – *прим. наше*), что Грузия в целом не была объята восстанием. Но, вместе с тем, также известно, что два уезда в Грузии были довольно серьезно задеты восстанием, что в этих двух уездах участвовали тысячи крестьян, а в третьем, Гурийском, было определено массовое восстание. Там поголовно все крестьянство пошло в прямое и открытое восстание». Далее Молотов рассказал о раскрытии в Крыму подпольной организации, в которой «не менее половины – по крайней мере, из числа арестованных ГПУ, было из крестьянства, причем свыше ста крестьян – середняки и бедняки». Напомнил о хорошо известном всем членам ЦК раскрытии крестьянских подпольных организаций в Одесской губернии и на Волыни, о разгуле бандитизма на Северном Кавказе, об усилении в сибирских деревнях террора против коммунистов, комсомольцев и советских работников. Затем Молотов обобщил: «Есть заметное проявление активности контрреволюционных организаций и еще не оформившихся настроений», выразившихся в стремлении **создать Крестьянский союз**. Хотя и в рамках советской власти, но **оппозиционной РКП**. Разговоры о нем, заметил Молотов, «идут не прекращаясь.. идут почти во всех районах Союза».⁽¹³⁾

Далее Ю.Жуков замечает, что 27 апреля 1925г. открылась 14 партконференция, на которой крестьянский вопрос был в центре внимания. «Волновало партию и само крестьянство. Ведь рыночные отношения в деревне неумолимо вели ко все более и более углублявшемуся расслоению. К упрочнению позиций кулачества не только экономических, но и политических, что продемонстрировали только что прошедшие выборы в местные советы. С точки зрения ЦК – «сорванные» этими самыми кулаками. В действительности – просто не давшие коммунистам и беднякам большинства».

Выступающий **Б.П.Познер**, секретарь Юго-Восточного (Северо-Кавказского) бюро ЦК, заявлял: «Местами полное руководство захватил в свои руки крепкий, зажиточный крестьянин и казак, а местами даже и подлинный кулак, который подошел к выборам быстро сорганизовавшись... Мы имеем интенсивнейший процесс организации крупного хозяйственного казачества, кулацкого казачества... Важнейшим является для местных (партийных) работников осознание новой нашей позиции как позиции фракции (в совете), численно состоящей в меньшинстве и борющейся за свое влияние на большинство».

Л.М.Каганович: «Мелкобуржуазные слои (т.е. крестьянство, авт.), которые хотят проявить свою политическую активность, ищут своего организатора... И если партия их не организует, они могут найти этого организатора вне партии».⁽¹⁴⁾

Аналогичные требования о необходимости политической альтернативы звучали и в среде рабочего класса. Правда они были вызваны иными причинами, а именно роскошной жизнью части партийной номенклатуры, возглавлявшей государственные тресты и предприятия. Это происходило на фоне низких зарплат рабочих, голода в городах на фоне высокой безработицы и медленного восстановления промышленности, управляемой коммунистами.

В результате реализации экономической составляющей НЭПа монополярная власть коммунистической номенклатуры оказалось под угрозой, поскольку численно преобладающему частному сектору, который напряженно трудился, вся эта орава демагогов и дармоедов была ни к чему. Партийные учетчики и распределители материальных благ, созданных трудом независимых частных собственников, явля-

лись **лишним звеном, тормозящим развитие хозяйственной системы**. Они владели промышленностью – но нормально распорядиться ею не могли. Потому что управленцу, с одной стороны, требовался хозяйственный опыт и деловая хватка – которых у вчерашних революционеров не было. С другой стороны, была нужна материальная заинтересованность, которую не допускали принципы господствующего учения об уничтожении частной собственности. Получается, что реальная материальная заинтересованность, т.е. свобода предпринимательства, неизбежно ведет к расслоению. Расслоение – к восстановлению и укреплению частной собственности. Частная собственность, если дать ей развиваться, совершит переформатирование всей хозяйственной и социальной системы, обеспечит экономическую самостоятельность значительных слоев населения, причем наиболее активных и деятельных, что приведет последних к отстаиванию ими собственных социально-политических интересов.

Возникла предельно простая альтернатива. Либо остается монополия большевиков, – тогда необходимо лишить крестьян частной собственности на землю. Либо экономически свободное крестьянство остается, но тогда в самом скором времени монополярная власть большевиков прекращает свое бытие. Развязка назревающего политического кризиса большевистской системы, сложившейся к концу 1920-х годов, получила название – коллективизация. По своей сути коллективизация являлась **продолжением не завершенной гражданской войны**.

Глава 2.

Кризис большевизма в условиях НЭПа и партийная дискуссия вождей.

Завершая тему торговли, теперь уже внешней, которую в СССР вел Внешторг, обеспечивая реализацию принципа государственной монополии внешнеторговых операций, Е.Преображенский так описывал работу этой системы:

«При нашей весьма **скверной и дорогой машине** обмена сплошь да рядом вся (в процентном отношении часто огромная) разница между ценами покупки и продажными ценами на внешнем рынке целиком составляет так называемые накладные расходы, причем **чистая прибыль равна нулю**».⁽¹⁵⁾

Представляете, какими были бы итоги работы государственных торговых структур при отмене их монопольного положения? Если эти государственные предприятия были бы поставлены, как положено в нормальной хозяйственной системе, в равные, или хотя бы в сопоставимые условия работы с предприятиями частной торговли?

Разумеется, это не смущает марксистского теоретика, у него другие цели и задачи, а именно борьба с ненавистным капитализмом, «создание сети органов торговли, обслуживающей государственное хозяйство и обеспечивающей оттеснение частного капитала с решающих позиций в экономической борьбе». Автор убежден, что:

«... узко коммерческий, навеянный наблюдениями над частным капиталом, взгляд на все процессы внутри государственного хозяйства сильнейшим образом мешает пониманию самого существа социалистической формы хозяйства на ее первых ступенях и сбивает часто практически на совершенно ложный путь. За несовершенством того или иного аппарата часто не видят огромной важности этого аппарата во всей системе государственного хозяйства. И в данном случае крайняя невыгода, с коммерческой точки зрения, ряда наших торговых госорганов говорит за необходимость рационализации этой работы, а не за замену этих органов органами частными, которые «выгодней». Они выгодней, если на невыгоды социализма в его первой ста-